

Катяян Ришика

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ, ЕГО ВИДЫ И ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

В статье уточняется типология форм синтаксического параллелизма, рассматривается воплощение выделенных видов в текстах русских народных сказок. Анализируется соотношение формы конструкций и их смыслового наполнения. Делается вывод о том, что последовательное проведение в сказках принципа сочетания симметрии с асимметрией приводит к преобладанию сложных форм параллелизма, что проявляется в соединении разноуровневых видов параллельности с неполной эквивалентностью конструкций, в распространении многочленных хиастических и лестничных конструкций, в сопровождающих синтаксический параллелизм семантических сдвигах. Рассматривается прием психологического параллелизма. Проводятся сопоставления параллельных синтаксических конструкций в народной поэзии и в текстах сказок.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 2(68): в 2-х ч. Ч. 2. С. 134-139. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

ON THE NATIONWIDE SUBSTANDARD IN THE CZECH AND RUSSIAN LANGUAGE SPACES

Izotov Andrei Ivanovich, Doctor in Philology, Associate Professor
 Moscow State University of Education
 a.i.izotov@mail.ru

The article deals with the idioms of the contemporary Czech and Russian languages, to various degrees able to pretend for the role of the nationwide substandard, namely the so-called “everyday-spoken Czech” (Czech “Obecná čeština”, English “Common Czech”), the Russian basilect in its two varieties and forming during the past decades the Russian “common vernacular”, also called “common slang”, or simply “slang”. While “the everyday-spoken Czech language” is inclined to turn into colloquial “common language” (κοινή διάλεκτος) of all the ethnic Czechs, neither of the mentioned Russian idioms can be characterized by this tendency.

Key words and phrases: stylistics; the Russian studies; Bohemistics; literary language; everyday-spoken language; vernacular; nationwide substandard; dialect; common slang; slang; common jargon; Koine.

УДК 81'42

В статье уточняется типология форм синтаксического параллелизма, рассматривается воплощение выделенных видов в текстах русских народных сказок. Анализируется соотношение формы конструкций и их смыслового наполнения. Делается вывод о том, что последовательное проведение в сказках принципа сочетания симметрии с асимметрией приводит к преобладанию сложных форм параллелизма, что проявляется в соединении разноуровневых видов параллельности с неполной эквивалентностью конструкций, в распространении многочленных хиастических и лестничных конструкций, в сопровождающих синтаксический параллелизм семантических сдвигах. Рассматривается прием психологического параллелизма. Проводятся сопоставления параллельных синтаксических конструкций в народной поэзии и в текстах сказок.

Ключевые слова и фразы: параллелизм; повтор; хиазм; форма и содержание; русская народная сказка.

Катяян Ришика

Московский государственный лингвистический университет
 hrishikakatyayan@gmail.com

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ, ЕГО ВИДЫ И ФУНКЦИИ В ТЕКСТАХ РУССКИХ НАРОДНЫХ СКАЗОК

Изучение связи формального и содержательного аспектов параллелизма, начало которому было положено работами Р. Лаута, Дж. Ф. Дейвиса, Дж. Хопкинса [9], А. Н. Веселовского [1], Р. О. Якобсона [9], Ю. М. Лотмана [5], в наши дни снова приобрело актуальность после ряда исследований грамматики поэтического языка [2; 3; 4; 6], позволивших детализировать классификацию форм, в которых воплощается синтаксический параллелизм. Это заставило нас рассмотреть с новых позиций проявления синтаксической эквивалентности в художественных текстах, относящихся к жанру русской народной сказки. Сказка, пережившая, по наблюдениям В. Я. Проппа [7], трансформацию от обряда через миф к художественному тексту, воплотила в себе особенности как поэзии, так и прозы. Проведенное нами статистическое исследование ее метрической и ритмической организации позволяет считать ее особым видом поэтического текста. В связи с этим нами была поставлена задача выявить сходства и различия параллелизма в русской народной поэзии, подробно изученного в первой половине XX в., в авторской поэзии и в народной сказке.

Нами было установлено, что все виды синтаксического параллелизма, отмеченные исследователями в народной и авторской поэзии, встречаются в текстах сказки. При этом распределение форм каждого вида по текстам не одинаково, оно зависит от индивидуальных предпочтений сказителя. Обращает на себя внимание высокая плотность стилистических приемов, наложенных на синтаксический параллелизм, и связанные с этим когнитивно ценные для адресата, т.е. формирующие модель мира, семантические приращения.

Обобщая накопленные о параллелизме знания, И. А. Логвиненко [4] предлагает следующую классификацию, в которую мы внесли небольшие уточнения:

- 1) поуровневое деление: графический, звуковой, лексический, грамматический, включающий синтаксический и морфологический, параллелизм;
- 2) по составу конструкций: полный и неполный; к этому виду следует добавить актуальный для народной поэзии выделенный Р. О. Якобсоном [9] конструкционный параллелизм, при котором главный и согласуемый компоненты находятся в разных строках;
- 3) по количеству эквивалентных структур: одночленный, двучленный, многочленный (или сложный);
- 4) по логической модели: утвердительный и отрицательный параллелизм;
- 5) по рисунку параллельных структур: прямой, хиастический и лестничный;

6) по расположению в тексте: внутрисклочный, в смежных строках, внутрисклочный; мы к этому добавили еще внутрисклочный параллелизм;

7) по семантическому основанию: основанный на метафоре, сравнении, метонимии;

8) по парадигматическим отношениям составляющих компонентов: основанный на синонимии, на антонимии.

Изучение народной поэзии давно привело ученых к выводу, что эквивалентность единиц одного уровня встречается в текстах, относящихся к эпохе, стиль которой характеризуется доминированием параллелизма [1], достаточно редко:

...и печку топит,
и воду носит,
и обед готовит [8, с. 200].

Чаще всего на синтаксический параллелизм накладывается лексический, звуковой и/или морфологический повтор. Рассмотрим пример:

Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Чóвник, чóвник, плыви дальшенько!
Челнок поплыл далеко-далеко [Там же, с. 152].

Первые две строки представляют собой буквальную повтор фразы, т.е. являются в том числе и синтаксически эквивалентными, а третья строка, будучи лексически эквивалентной первым двум, отличается синтаксически (односоставное предложение, осложненное обращением, заменено двусоставным), морфологически (глагол повелительного наклонения меняет форму на прошедшее время изъявительного наклонения, отличным оказывается суффикс субъективной оценки в слове *челн* – *ик/ок*, утрачивается суффикс субъективной оценки в наречии *далеко*) и фонетически (диалектная особенность произнесения слова *челнок* персонажем не воспроизводится в нарративе сказителем). В связи с этим уместно вспомнить тонкое замечание Р. О. Якобсона, что любая форма параллелизма есть некоторое соотношение инвариантов и переменных. Чем строже распределение инвариантов, тем более заметны и эффективны вариации [9]. Изучение инвариантов и переменных позволило исследователям языка сказок сделать вывод о сочетании симметрии с асимметрией как о важной жанровой особенности [2]. В рассмотренном фрагменте лексический повтор позволяет слушающему сделать вывод о точном соответствии слова (заклинания) делу (реализации заклинания), морфологические и синтаксические сходства и различия показывают, что желаемое может немного отличаться от реального, фонетические сходства и различия позволяют разграничить героя и сказителя, притом, что оба относятся к крестьянскому миру.

Синтаксический параллелизм может быть поддержан корнесловным повтором:

– *Истопи печь пожарче* $V_{imp} - N_4 - Adv$
да сжарь хорошенько Ивашку [8, с. 154]. $V_{imp} - Adv - N_4$

В результате актуализируется внутренняя форма двух слов, устанавливается их генетическое родство, что можно назвать семантическим параллелизмом. Кроме того, возникает фигура анадиплозис (стык), которая иконически воспроизводит переломный для героя момент. Усиливается связь между синтагмами.

В текстах сказок синтаксический параллелизм очень часто поддерживается звуковым параллелизмом. Мы выделяем парадигматическую (вертикальную) и синтагматическую (горизонтальную) фонетическую поддержку. Пример первой:

Пока **ведьма** карабкалась да лезла, $(S - P \text{ да } P)$
Иван-царевич ехал да ехал [Там же, с. 193]. $(S - P \text{ да } P)$

Слова из первой строки *ведьма* и *лезла* оказываются созвучными – [в' – э – а / э – л – а], так же, как и слова *Иван-царевич* и *ехал* из второй строки – [а – э – в' / э – а – л]. При этом обе пары являются синтаксически и морфологически тождественными.

Примером синтагматической звуковой поддержки могут служить строки:

...целый **день** гулял по **поднебесью**,
только к **вечеру** **воротился** [Там же, с. 203].

Здесь слушающий должен увидеть сходство пар *день* – *поднебесье* [д'эн' – дн'и'] и *вечер* – *воротился* [вр – вр]. Это позволяет связать день (свет) и небо (верхний мир), осмыслить вечер как поворотный этап от света к тьме (от жизни к смерти).

Синтаксический параллелизм может быть поддержан повтором морфологических форм при различии глубинных семантических значений компонентов:

Взойдёт, бывало, на высокую гору, $(V + \text{на } N_4 / P - L)$
посмотрит на свой дворец и видит [Там же, с. 190]. $([V + \text{на } N_4] \text{ и } V / P - Obj)$

На высокую гору – это обстоятельство места (локатив), а *на свой дворец* – не прямой объект. Данный вид повтора позволяет воплотить принцип сочетания симметрии и асимметрии нетривиальным образом. В некоторых текстах, например, «Ведьма и Солнцева сестра», он встречается несколько раз, что демонстрирует его осознанность сказителями.

Полный параллелизм характеризуется одинаковым составом синтаксических позиций в двух строках, он возмещает отсутствие рифмы:

- *Покатюся, повалюся,*
Ивашкина мясца наевшись! <...>
- *Покатайся, поваляйся,*
Алёнкина мясца наевшись! [Там же, с. 155].

Вместе с тем, в сказках заметно предпочтение, отдаваемое неполному параллелизму, т.е. такому, при котором повторяется лишь фрагмент от общей схемы предложения. Этот фрагмент может быть анафорическим или эпифорическим, как в следующем примере:

- *Солнце, Солнце! Отвори оконце.* (P – Obj)
- Солнцева сестрица отворила окно* [Там же, с. 194]. (P – Obj)

Примечательно, что несходные начальные фрагменты строк связаны звуковым и лексическим параллелизмом: [сцэ – сэц], *Солнце – Солнцева*. Такое сложное сочетание разноуровневых соответствий мы относим к особенностям связей в текстах сказок, которые мы сравниваем с плетением. Неслучайно в русском языке появился глагол *плетсти* в значении «сочинять, рассказывать небылицы».

В сказках, как и в традиционных жанрах народной поэзии, широко распространен конструкционный параллелизм:

- Нажили себе работницу*
и услужливую и добрую [Там же, с. 203].

Примечательно, что он поддерживается внутрискладным грамматическим параллелизмом (повтором союза и однородными определениями во второй строке) и смежнострочным звуковым параллелизмом: анафорическим [жыл' – жл'и] и эпифорическим [рбо – обр].

Если говорить о количестве контактно повторяемых структур, то следует отметить, что двучленный параллелизм встречается нечасто, как и прочие простейшие виды эквивалентности:

- ...чтобы мои глаза её не видали,*
чтобы мои уши об ней не слышали [Там же, с. 176].

Широко распространен многочленный неполный параллелизм, в котором искусно воплощается сочетание симметрии с асимметрией:

- Ивашко так и барахнул её в печь* (S – P – Obj – Obj/L)
- и закрыл заслонкой,* (P – Obj)
- а сам вышел из хаты,* (P – Obj/L)
- запер двери* (P – Obj)
- и влез на высокий-высокий дуб* [Там же, с. 154]. (P – Obj/L)

Все управляемые глаголом существительные могут трактоваться как объект, однако в нечетных строках они на глубинном уровне оказываются локативом (отвечают на вопросы *куда – откуда – куда*).

Параллелизм может устанавливаться не только между двумя утвердительными или между двумя отрицательными предложениями, но и между утвердительным и отрицательным, если набор синтаксических позиций совпадает. Такой параллелизм называют отрицательным. В сказках он используется для актуализации следующих смыслов:

- действие и противодействие
- Она его не пускает,* (S – Obj – не P)
- а он её упрощивает* [Там же, с. 190] (S – Obj – P);
- герой и антигерой
- То меня не мать зовет,* (Obj – не S – P)
- то меня ведьма зовет* [Там же, с. 153] (Obj – S – P);
- причина и двуплановое следствие (указываемое и скрываемое)
- *Я ещё мал и глуп, –* (S – T – [P и P])
- отвечает Ивашко,*
- *я ничего ещё не умею – не разумею* [Там же, с. 154] (S – T – не [P, P]).

Помимо структур с одинаковым порядком следования компонентов (прямым параллелизмом), в сказках широко распространены хиастические структуры. Для них характерен зеркальный порядок следования компонентов, т.е. прямой в первой строке и обратный – во второй:

- ...и поехал дальше.*
- Долго-долго ехал* [Там же, с. 189].

Искусство сказителя может проявляться в сочетании прямого параллелизма в начале строк и хиастического в их продолжении:

...*сперва сел на весы Иван-царевич,* (T – P – S)
а *потом и ведьма полезла* [Там же, с. 194]. (T – S – P)

Этот прием позволяет различать героев-антагонистов при одинаковости их действий. Показательно, что для положительного персонажа рассказчик выбирает прямой порядок слов (в эпическом стиле это детерминант – сказуемое – подлежащее), а для отрицательного – обратный.

Часто используется в сказках лестничная структура, т.е. такой вид параллелизма, при котором каждая последующая строка оказывается длиннее предыдущей за счет накопления признаков или усложнения ситуации:

Солнцева сестрица отворила окно, (S – P – Obj)
и *царевич вскочил в него вместе с конём* [Там же]. (S – P – L – Obj)

Вторая строка в этом примере помимо субъекта, предиката и объекта содержит еще и локатив (куда? *в него*). Интересно, что объекты в соседних строках отмечены звуковым параллелизмом: [окно – клн'о], но такой же параллелизм устанавливается и между объектом и добавленным локативом во второй строке – [н'о – н'о].

Мы предлагаем различать нисходящую и восходящую лестничную структуру. Первый вид характеризуется последовательным добавлением компонентов, а второй – их утратой. Пример нисходящей структуры был рассмотрен выше, а примером восходящей структуры могут служить следующие строки:

После ужина разошлись все спать по своим светелкам;
пришла и она в свою горницу [Там же, с. 201].

Первая строка имеет структуру T – P – S – Qual – L, а вторая – P – S – L. Темпоратив *после ужина* во второй строке подразумевается, и это делает более выпуклым единственное отличие двух событий – цели субъектов: младшая дочь пришла в горницу не спать, а достать из шкатулки перышко Финиста.

В сказках распространены все виды распределения параллелизма по ткани текста. Внутростроочный параллелизм обычно встречается во фразах-скрепах, отделяющих самостоятельные части текста друг от друга, отмечающих начало или конец текста и являющихся воспроизводимыми (формульными) предложениями: *Откуда идешь и куда путь держишь?*; *Сказано – сделано; ели-ели, пили-пили; по усам текло, во рту не было*. Параллелизм в смежных строках позволяет создать особый ритмический рисунок и, по мнению А. Н. Веселовского [1, с. 131], подготавливает слушателей к восприятию последующего (часто драматического) события:

...*да саней не повали,*
да сундук не оброни! [8, с. 180].

Внутростроочный параллелизм придает целостность и завершенность диалогическому единству:

– *Пустите меня, я поеду рыбку ловить.*
– *Куда тебе! Ты ещё мал,*
пожалуй, утонешь, чего доброго!
– *Нет, не утону;*
я буду вам рыбку ловить: пустите! [Там же, с. 151].

Нередко параллельные конструкции бывают заключены в особую рамку, представляющую собой зачин и концовку:

Прежде три пары башмаков железных истопчешь,
три посоха чугунных изломаешь,
три просвиры каменных изложешь,
чем найдешь меня, добра молодца! [Там же, с. 202].

Такая организация строфы изоморфна ритмической организации стиха в народной песне, который, по наблюдению Р. О. Якобсона, имеет зачин (анакрузу), тело стиха и исход (код) [9, с. 120].

Параллелизм может соединять конец и начало соседних строк:

...*дал им по яблочку;* (P – Adr – Obj)
они съели, вмиг помолодели
и подарили ему хусточку [8, с. 191]. (P – Adr – Obj)

В этом примере зеркальный акт дарения и отдаривания, имеющий обрядовые корни, разведен по двум соседствующим строкам. Так сказитель устанавливает изоморфизм между текстом и реальностью: часто доброе дело не сразу дает плоды. При этом целостность акта взаимодействия подчеркивается симметрией строк относительно разделяющей их строки, тоже отмеченной эквивалентностью – морфологической (прошедшее время глаголов) и фонетической (внутренняя рифма).

Помимо названных видов эквивалентности следует отметить важную жанровую особенность сказок – внутритекстовый параллелизм, т.е. дистантный повтор синтаксической конструкции, обеспечивающий глобальную связность целостного фрагмента:

...откуда ни взялись
 – вдруг выросли из земли
 высокие-высокие горы,
 верхушками в небо упираются;
 и сколько тут их – видимо-невидимо!
 <...>
 откуда что – вдруг зашумели,
 поднялись из земли
 густые дубовые леса,
 дерево дерева толще! [Там же].

Менее выпуклым, чем в народной поэзии, оказался параллелизм, основанный на метафорическом или метонимическом переносе. Традиционные для народных песен аналогии между миром природы и миром людей встречаются не часто:

Ветер хоть пошумит да затихнет, (S – P и P)
а старая баба расходится – не скоро уймётся [Там же, с. 176]. (S – P, не P)

Иногда метафора скрывается за переходами от прямой речи к словам автора:

– *Мне что-то послышалось,*
 – *говорит ведьма.* (P – S)
 – *Это листья шумят!* (S – P)
Опять ведьма говорит... [Там же, с. 155]. (S – P)

Из-за расчлененности фрагмента не сразу становится заметной параллель между шумом листвы и звуками голоса персонажа. Возникает ощущение, что сказитель специально создает барьеры для узнавания традиционных приемов. Но автор одновременно и обеспечивает такое узнавание, помещая строку с основанием сравнения между хиастическими структурами, воплощающими объект метафорического осмысления.

Еще сложнее оказалось найти параллелизм, основанный на фигуре сравнения:

...в хороших руках
 она бы **как сыр в масле купалась**,
 а у мачехи каждый день слезами умывалась [Там же, с. 174].

Это подчеркивает правоту А. Н. Веселовского в том, что параллелизм народной поэзии «покоится главным образом на категории действия» [1, с. 129]. Особенно это верно в отношении сказки: лежащий в ее основе миф сосредоточен на действии, от которого образные параллели могли бы отвлекать избыточными деталями.

Несколько чаще в сказках встречается параллелизм, основанный на метонимии или синекдохе. Он представляет собой указание на повторяющиеся или обычные действия (целое) и разовое действие того же характера (часть), например:

Вздохнёт и заплачет.
Раз этак посмотрел да поплакал [8, с. 190].

Синтаксический параллелизм может быть поддержан использованием слов-синонимов. Такие формы Р. О. Якобсон называл «синонимическими параллелями» [9, с. 100]. Синонимы, расположенные по нарастающей признака, служат повышению эмоционального напряжения в драматических частях повествования:

...она рыбу **забрала**,
 его самого **схватила** [8, с. 154].

Они могут также различать действия героя и антигероя. Кроме синонимов могут быть использованы гипоним и гипероним:

Если я перевешу –
так я его съем,
а если он перевесит –
*пусть меня **убьёт!*** [Там же, с. 194].

Для построения наивной картины мира, основанной на бинарных оппозициях (добро и зло, жизнь и смерть), в сказках используются антонимические параллели:

...что **он** прямо попал **на небо**,
 к Солнцевой сестре в **терема**;
 а **ведьма-змея**
 осталась **на земле** [Там же].

Особый интерес представляет, по нашему мнению, обнаруженный А. Н. Веселовским психологический параллелизм [1]. Под ним понимается осмысление внутреннего мира человека через параллели с природным

миром. В сказках такие параллели часто завуалированы, они требуют вдумчивого слушания и умения обобщать. Приведем пример. Волшебный даритель Морозко в одноименной сказке трижды испытывает старикову дочь, но на вопрос: – *Тепло ли те, девица?* – та отвечает с неизменной сердечностью: – *Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!* [8, с. 177]. Три вопросно-ответных единства содержат кумулятивное накопление эпитетов, даваемых Морозкой падчерице, так что последняя параллельная структура выглядит так:

– *Тепло ли те, девица?*
Тепло ли те, красная?
Тепло ли те, лапушка? [Там же, с. 178].

Эпитет *красная*, т.е. наделенная внутренней, душевной красотой, девушка получает после того, как характеризует уважительно-ласковым приложением *батюшка* своего мучителя. Прослеживается параллелизм между отношением человека к природе и природы к человеку. Далее следует зеркальная композиция – дочери старухи изначально получают все три эпитета, перенесенные на них с сестры:

– *Тепло ли вам, девицы?*
Тепло ли вам, красные?
Тепло ли, мои голубушки? [Там же, с. 180].

Но после того как они на доброе обращение трижды отвечают грубостью, они последовательно утрачивают один за другим эпитеты, и выясняется, что параллелью к человеческой недоброте миропорядком установлена жестокость природы.

Наше исследование показало, что в русских народных сказках повтор форм, и в частности синтаксических структур, является содержательно нагруженным художественным средством. Изучение параллелизма позволило выявить высокую степень мастерства сказителей, их умение совмещать разноуровневые повторы с целью получения эффекта тесноты стихового ряда, открытого лишь в XX в. Мы установили также, что характер стилистических приемов роднит сказку с народной поэзией и в то же время отличает ее как жанр, наделенный существенным своеобразием.

Список литературы

1. **Веселовский А. Н.** Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 125-199.
2. **Ковтунова И. И.** Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 205 с.
3. **Коробейникова О. Ю.** Языковая эквивалентность как фактор организации художественного текста: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 1996. 23 с.
4. **Логвиненко И. А.** Формальный параллелизм в поэтическом произведении (на основе стихотворений Б. Л. Пастернака) [Электронный ресурс]. URL: http://www.academia.edu/6519743/Формальный_параллелизм_в_поэтическом_произведении (дата обращения: 17.10.2016).
5. **Лотман Ю. М.** Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПб, 1998. С. 14-285.
6. **Николина Н. А., Ковтунова И. И.** Поэтическая грамматика: в 2-х т. / отв. ред. Е. В. Красильникова. М.: Азбуковник, 2013. Т. 2. 217 с.
7. **Пропп В. Я.** Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2010. 332 с.
8. **Русские народные сказки: из сборника А. Н. Афанасьева** / научн. ред. В. П. Аникина. М.: Оникс 21 век, 2003. 331 с.
9. **Якобсон Р. О.** Грамматический параллелизм и его русские аспекты // Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. С. 99-132.

SYNTACTIC PARALLELISM, ITS TYPES AND FUNCTIONS IN THE TEXTS OF THE RUSSIAN FOLK TALES

Katyayan Rishika

Moscow State Linguistic University
 hrishikakatyayan@gmail.com

The article specifies the typology of the forms of syntactic parallelism, considers the embodiment of the mentioned types in the texts of the Russian folk tales. The author analyzes the relation of constructions forms and their semantic content. The conclusion is that the consistent implementation of the principle of combining symmetry with asymmetry in tales leads to the predominance of complex forms of parallelism, which is manifested in the connection of split-level types of parallel structures with partial equivalence, in the spread of various chiasmic and ladder structures, in semantic shifts accompanying syntactic parallelism. The paper examines the technique of psychological parallelism. This work also carries out a comparison of parallel syntactic constructions in folk poetry and tales texts.

Key words and phrases: parallelism; repetition; chiasmus; form and content; the Russian folk tale.